

лигии и заботе о добродетели, как будто во всем этом нет никакого смысла, а лишь одни пустые домыслы...»¹ Метохит не стеснялся повторять суждения самых фанатичных отцов церкви об эпикурейцах и клеймил «их учение и догмы, их гнилую и отвратительную мудрость, разнузданность их суждений и их грубый юмор»².

Во взглядах Пселла и Метохита в полной мере отразилась противоречивость, свойственная всей византийской философии, «стоявшей под знаком духовного двоевластия античной и библейской традиции»³.

Строго следующее догме «белое» духовенство (священники) ревностно охраняло незыблемость идеологического господства религии, не допуская покушений на христианскую этику. Еще более усердным в борьбе с любыми намеками на ересь было «черное» духовенство (монашество), считавшее излишним и ту «книжную ученость», которую допускал Иоанн Дамаекин.

Уже в книге «Лествица» *Иоанна Лествичника* (ок. 525 — ок. 600), аллегорически изображавшей тридцатиступенчатый путь восхождения души к нравственному совершенству, религиозной мистике отдавалось первенство над религиозной ученостью. «Лестница, возводящая к небесам» — аскетико-дидактический трактат не только о ступенях совершенствования, но и о подстерегающих монаха нравственных опасностях, соблазне порока.

Эта книга оказала большое влияние на *Симеона Нового Богослова* (949-1022) — фанатика-аскета, продолжателя традиции египетских отшельников, имевших идеалом св. Антония. Понимание человека как обращенной в себя психофизической структуры, стремящейся к освобождению от греха и достигающей этого освобождения путем суровой аскезы, противостояло логическому абстрагированию, отвлеченному, умозрительному богопознанию. Ценность признавалась лишь за духом, плоть, материя, отвергалась вовсе. Закономерным следствием подобного мировосприятия оказывалось презрение к светской мудрости (и, особенно, «языческой философии»).

¹ Там же. С. 339-340.

² Там же. С. 339-340.

³ Антология мировой философии. Т. 1. М., 1969. С. 625.